

УДК 81'25

DOI 10.17223/19986645/33/7

О.И. Уланович

ПОНИМАНИЕ ОРИГИНАЛА ПРИ ПЕРЕВОДЕ: К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЯВЛЕНИЯ

Рассмотрение перевода как диалога языков, культур, национальных дискурсов позволяет выявить уникальные феноменологические особенности понимания оригинала при переводе. В отличие от общегносеологического явления понимания речи переводческое понимание текста исключает избыток субъективного видения, детерминировано установкой на потребителя перевода, допускает в диапазоне оценки «качественный перевод» некоторую вариативность с позиции полноты и глубины понимания в зависимости от условий перевода.

Ключевые слова: переводческое понимание, диалектика диалогии, лингвистическая теория перевода, адекватность, полнота, глубина понимания.

Проблема понимания речи выступает ключевой в целом ряде направлений научного знания, связанных с изучением языка и мышления, языкового сознания, вербально-когнитивных процессов человеческого познания. Будучи с позиции феноменологии процессом когнитивным, явление понимания давно вызывает интерес исследователей психологов (Л.С. Выготский, В.В. Знаков, О.К. Тихомиров, Л.Л. Гурова, Г.С. Костюк, М.А. Кремень, Т.М. Кучинский и др.), когнитивистов (Б.М. Величковский, Т.А. Ван Дейк, В. Кинч, Р.Л. Солсо, Ф. Джонсон-Лэрд, Ж.Ф. Ришар и др.), гносеологов (А.Р. Никифоров, Ю.А. Основин, С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский, Д. Норман и др.), психолингвистов (Г.И. Богин, А.А. Брудный, А.А. Залевская, И.А. Зимняя, Л.Н. Мурзин и др.) как ключевой фактор, рационализирующий действия и детерминирующий качество человеческой деятельности в целом, в том числе профессиональной. Однако проблематика понимания речи (в частности, процессуальный аспект понимания) так и не снискала должного внимания со стороны лингвистов-исследователей перевода и переводческой лингводидактики. Вербально-когнитивный процесс понимания речи при переводе рискует вовсе остаться непознаваемой «вещью в себе», рассматриваемый исключительно с позиции лингвистической теории перевода. При этом последняя, убежденная в своей самодостаточности, но не обладающая должным инструментарием и технологией вскрытия сути интеллектуальных процессов, позиционирует консерватизм в своем самоопределении и автономном существовании, свято следуя утверждению Р. Якобсона (более чем полувековой давности) о примате нахождения перевода «под неусыпным наблюдением языкознания» [1. С. 233].

В контексте лингвистической теории исследование перевода традиционно фокусируется на оценивании результата всей деятельности: качество перевода (как продукт и результат) анализируется посредством оценки степени

близости и соотносительности текста оригинала и текста перевода по критериям адекватности и эквивалентности. Это сопоставление выявляет закономерности переводческого процесса, знание и умения использовать которые и формируют переводческие компетенции. Технология перевода, репрезентируемая лингвистикой перевода, есть не что иное как своего рода двухоперационное действие по обеспечению переводческого соответствия: а) адекватный выбор переводческого приема (трансформации) через анализ переводчиком ряда языковых и неязыковых аспектов, ситуативных и контекстуальных условий перевода; б) грамотное применение переводческого приема (трансформации).

Лингвистика перевода упорно настаивает на своем видении процесса перевода как некоторого «перетекания» смысла из одной в другую языковую оболочку. Например, прием экспликации или описательного перевода определяется как «лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица иностранного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т. е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на языке перевода» [2. С. 185]. Якобы знание языковых соответствий для конкретной пары языков способно обеспечить оптимальную адекватность этих языковых оболочек оязыковлению той же мысли на разных языках.

Этот формально верный, но по сути поверхностный взгляд на перевод представляется бесперспективным для формирования переводческой лингводидактической технологии, которая сегодня так и не представлена как теоретически и методически структурированная и практически апробированная лингвистическая образовательная практика. И одним из существенных упущений рассмотрения технологии перевода с позиции лингвистики перевода является игнорирование как минимум одного промежуточного интеллектуального этапа перевода – этапа декодирования: восприятия и понимания того или иного сегмента текста оригинала (лексической единицы, предложения, фрагмента текста), который может сопровождаться дополнительными промежуточными этапами в случаях затруднения декодирования на любом уровне идентификации языкового сигнала.

Допущение рассмотрения категорий «семантика» вербальной единицы и «содержание» вербального сообщения в качестве лингвистических (хотя и это дискуссионно) при бесспорном отнесении понятия «смысл» к явлениям исключительно когнитивным, психологическим, даже в случае консервативного отношения к вопросу не позволяет исключить сознание понимающего субъекта из процесса понимания речи и, соответственно, перевода. Понимание оригинала при переводе можно определить в стиле словесных формулировок В.П. Зинченко как процесс «осмысления значения» [3. С. 274] – процесс трансформации смыслового содержания некоторого знаково-символически закодированного сообщения с языка фонографических символов на язык интеллекта. Речепроизводство как следующий этап переводческой деятельности предполагает возвратную операцию: оязыковление осмысленного содержания с помощью символов другого естественного языка. В.П. Зинченко именует этот этап процессом «означения смысла» [3. С. 274]. Все это акцентирует принципиальную возможность этапа «означения смысла» только при условии успешности этапа «осмысления значения». Можно

утверждать, что именно понимание оригинала (частичное или полное непонимание) детерминирует адекватность / неадекватность перевода (как результата) и в значительной мере предопределяет уровень его эквивалентности.

Являясь предметом исследования когнитологии в общем феноменологическом плане, проблема понимания речи в контексте переводческой теории и лингводидактики требует вскрытия тех особых сторон этого явления, которые своеобразны и, возможно, даже допустимо противоречат общепсихологическим особенностям понимания речи, что детерминировано условиями переводческой деятельности. Перспективным представляется выявление этих уникально феноменологических особенностей переводческого понимания с позиции *диалогической методологии* (заложенной в свое время М.М. Бахтиным), универсальный научно-эвристический и созидательный потенциал которой столь точно дефинировал Г.В. Дьяконов: «Диалогическая методология становится... той феноменологически-смысловой точкой зрения, с позиций которой раскрываются фундаментальные проблемы и противоречия, актуализируются возможности конструктивного понимания и интерпретации сложнейших научных вопросов и проблем, обнажаются и преодолеваются тупики и заблуждения узкодисциплинарных научных концепций...» [4. С. 23].

Интерпретируемость любого текста, рассматриваемая как универсальное свойство речевого произведения и критерий его отнесения к разряду текстов, предопределяет *субъективность* понимания сообщения – преломление содержания речи через призму индивидуально-нравственного и социокультурного опыта воспринимающей текст личности. В философской концепции диалога М.М. Бахтина, закладывающей основы диалектики диалогичности, субъективность восприятия целого предопределена уникальностью места созерцателя, единичностью «его места в бытии», что провоцирует всегда наличествующий по отношению к воспринимаемому «избыток субъективного видения и знания» [5. С. 23]. И если по утверждению М.М. Бахтина, «эстетическое созерцание и этический поступок не могут отвлечься от конкретной единственности места в бытии, занимаемого субъектом этого действия и художественного созерцания» [5. С. 30], то переводческое понимание опирается на фокус объективации и рационализации созерцания не внутри, а вне воспринимающей личности (переводчика). Преодоление чрезмерности субъективного видения при переводе возможно благодаря *познанию*, которое формирует единственный, общезначимый и тождественный себе мир, минимально атрибутируемый к единственности «места в бытии» воспринимающей личности. Такое познание предъявляет повышенные требования к знаниям и нелингвистическим познаниям переводчика.

Далее, в терминах диалогичности лингвистической коммуникации М.М. Бахтина понимание речи есть «сотворчество понимающих» [6. С. 346] – адресанта и адресата, результат соприкосновения двух смыслов, что позволяет актуализировать «потенциальную бесконечность актуального смысла» [6. С. 350]. При этом сам М.М. Бахтин допускает отвлечение от диалогической борьбы двух смыслов и наличие *Позиции третьего* в случаях «изучения языка и различных областей идеологического творчества» [6. С. 348]. Можно

утверждать, что позиция переводчика есть именно частный случай *Позиции третьего*, которая «отождествляется с 'объективной позицией' как таковой, с позицией всякого 'научного познания'», проявляется в ситуациях, когда «один человек может стать на место другого (человек вполне заменим)» и «целостная и неповторимая личность человека не требуется», когда «человек, так сказать, специализируется, выражая лишь оторванную от целого часть своей личности», когда специалист «выступает не как я *сам*, а 'как инженер', 'как физик' и т. п.» [6. С. 348].

Таким образом, в отличие от общегносеологического понимания речи – активного, творческого, восполняющего текст и продолжающего творческие усилия адресанта, ответного и оценивающего – переводческое понимание объективно ценностное, самозаконное, отвлеченное от собственного «я» переводчика, воплощающее *Позицию третьего* на коммуникативной оси.

Понимание при переводе выступает ярчайшим примером и непосредственным доказательством в свое время определенного М.М. Бахтиным свойства *диалогичности* понимания, ныне популяризируемого в контексте полицентрического подхода к исследованию коммуникации, (пришедшего на смену моноцентрическому подходу), который учитывает равноправие адресанта и адресата на коммуникативной оси [7. С. 49].

Однако суть диалогичности понимания при переводе никак не заключается в *активной ответной позиции понимающего субъекта* (посредника перевода) по отношению к воспринимаемой информации: согласие, возражение, уступка, отказ, дополнение, применение, как диалогичность понимания трактует собственно сам М.М. Бахтин. И далее, диалогичность переводческого понимания воплощается вовсе не в участии адресата в роли *вектора развития сюжета*, как это представлено в интерпретации диалогического пространства А.В. Логиновым [7. С. 50], и не в *паритетных началах партнеров* при их переменной роли, как это обозначено в структуре идеального диалога Т.Г. Винокур [8. С. 85]. Диалогичность переводческого понимания, опять же, не может быть сведена к более глубокому осознанию (пониманию) субъектом некоторого знания в процессе объяснения его другому лицу (в диалогическом общении), как трактует бахтинскую диалогичность понимания К. Эмерсон [9].

В контексте переводческой деятельности *диалогичность* понимания как процесса и результата первого этапа перевода предполагает, по нашему убеждению, *установку на потребителя перевода*: понимание с учетом менталитета, ценностных установок, доминант лингвокультуры адресата перевода, коммуникативной ситуации перевода, а также специфики языкового кодирования мира, но никак не понимающего субъекта – переводчика, посредника в общении. Установка на потребителя перевода закономерно требует от переводчика (*Третьего* на коммуникативной оси) следующей за пониманием оригинала лингвопрагматической адаптации перевода и, по сути, обеспечивает возможность этой адаптации, ибо понимание предвывает и обеспечивает действие. Лингвопрагматическую адаптацию перевода можно определить как «межъязыковое для конкретной пары языков согласование парадигм языковых соответствий с позиции прагматики слов, семантики текстового окружения, смысла речевых высказываний – всех тех аспектов языкового кодирования

ния, вызванных спецификой национальной концептуализации мира и ее закрепления в конвенциональных знаках» [10. С. 259]. Все это является собой не что иное, как *диалог* – «диалог языков, культур, диалог национальных дискурсов и институциональных форм общения» [10. С. 259] – и постулирует *диалогичность* переводческого понимания.

Далее, в концепции диалогизма М.М. Бахтина речь трактуется как реализуемая в конкретных *речевых высказываниях* (интерактивная единица речевого общения), границы которых определены сменой речевых субъектов. Последние «не поддаются грамматикализации и сохраняют свою специфическую природу, принципиально отличную от [природы] отношений между словами и предложениями (и иными языковыми единицами – словосочетаниями и т. п.) внутри высказывания» [11. С. 251]. Тем самым понимание речи в его общесоциокультурном плане реализуется не в лингвистическом контексте (поток предложений и слов), а в контексте жанрового общения (речевом потоке высказываний) – «семантическом ландшафте» [12]. Столь активно отвергаемый лингвистический (грамматикализированный) контекст понимания речи представляется весьма уместным при переводческом понимании: речевой поток при переводе требует расчленения не только и не столько на высказывания (единицы речевого общения), сколько на предложения, словосочетания, слова (единицы языка) – лингвистические (грамматикализированные) формы как конвенциональные и эквивалентные себе сигналы.

Отмечаемое М.М. Бахтиным отсутствие автора у предложения, равно как и у слова («оно [предложение] *ничье*, как и слово» [11. С. 263]) – элементов, выступающих, по нашему убеждению, дискретными единицами перевода и переводческого понимания, позволяет переводчику преодолеть избыток субъективного видения, избежать диалогической борьбы смыслов, сохранить *Позицию третьего* в коммуникации.

Следующей не менее важной особенностью переводческого понимания представляется его качественная результативность. Поскольку понимание оригинала является результативно значимым, но не завершающим этапом более масштабного процесса речевой деятельности – перевода, допустима (в пределах качественного перевода) некоторая вариативность результата переводческого понимания, что детерминировано языковыми и внеязыковыми условиями перевода.

Аксиоматичным видится категоричное высказывание В.П. Зинченко в отношении вербальной коммуникации: «Собственный опыт человека разумного свидетельствует о том, что полный перевод с языка значений на язык смыслов и с языка смыслов на язык значений невозможен» [3. С. 276]. Нельзя не признать справедливость этого постулата как в отношении понимания при переводе, так и в отношении перевода в принципе. Подобно невозможности в человеческом общении стопроцентного понимания [3. С. 176], в переводе невозможна стопроцентно достоверная передача оригинала, поскольку перевод – *вдвойне субъективное явление*, дважды преломляемое через сознание переводчика-посредника: во-первых, при понимании оригинала, во-вторых, при вербализации информации на языке перевода. Это позволяет нам предложить понятие *качественной достаточности переводческого понимания* как потенциально измеряемого, но вариативного показателя оценки понима-

ния по суммарной релевантности критериев *адекватности, полноты и глубины*.

Выделенные в свое время А.А. Смирновым глубина, отчетливость и полнота в качестве критериев понимания, а также определенные автором ступени глубины и стадии отчетливости понимания [13], можно признать, вполне справедливы в отношении феноменологического аспекта общекогнитивного явления понимания (с допущением спорности ряда моментов его теории). Для определения категории *достаточности понимания* оригинала при переводе и установления диапазона вариативности качества понимания предлагаем авторскую теорию уровней понимания при сохранении принципиальных категориальных критериев оценки результативности понимания: *точности, полноты и глубины*.

Точность понимания оригинала при переводе предлагаем определить как измеряемую степень адекватности восприятия в оригинальном сообщении ряда ключевых информативно значимых элементов, таких как *прецизионная информация*: *буквенная* (топонимы, названия организаций, фирм, корпораций, месяцев и дней недели, наименования торговых марок и брендов продукции), *цифровая* (даты, формулы, числа, единицы величин и мер), *позиционно-номинативная* (номинаты и позицилаты). Можно утверждать, что независимо от формы перевода (письменный / устный) и вида перевода (выделяемого на основании коммуникативной и стилистической направленности текста) точность понимания оригинала как стопроцентно адекватная передача прецизионной информации не имеет степеней свободы. Точность выступает единственным и невариативным критерием качества понимания и перевода.

Полнота переводческого понимания оригинала измерима через количественное сопоставление массива предметных значений, присутствующих в тексте оригинала и переданных в тексте перевода. Это есть понимание в поле предметных значений, материально воплощаемое в полноте фиксации в переводе всех объектов, явлений и их признаков, указанных в оригинале. Вариативность этого критерия детерминируется, по нашему убеждению, формой перевода (письменный / устный).

Оптимальное понимание оригинала, возможное при письменном переводе, недостижимо в условиях устного перевода. Всегда имеющая место формально-языковая несоразмерность устной речи на разных языках (неравнозначность не только словесной, но и слоговой величины речи), что, в свою очередь, предопределяет и различие в семантической плотности речи, а также дефицит времени, объективный лимит скорости речемыслительных операций и неизбежно присутствующее снижение степени контроля переводчика – все это оправдывает искажение восприятия материала в пределах, допустимых понятием «качественный перевод». Чаще всего искажение передачи информации фиксируется в некотором нарушении последовательности информационных единиц и речевой компрессии. Возможная благодаря избыточности речи (более 70 % [14. С. 87]) стратегия компрессии в синхронном переводе (до 30–37 % текста [15]) реализуется на слоговом, семантическом, лексическом и синтаксическом уровнях [14. С. 87]: объединение предложений, пере-

фразирование, опущение, обобщение, сжатие на уровне структуры предложения, упрощение синтаксиса.

Допускаем некоторую спорность данного подхода к оценке полноты понимания при переводе: полнота понимания информации может превышать объем передаваемого в условиях синхронного двуязычия, а грамотно используемая стратегия компрессии, фиксируемая на формально-языковых уровнях речи, возможно, в меньшей степени затрагивает содержательно-смысловой уровень текста. Эти спорные моменты, однако, только подтверждают допущение некоторой неполноты понимания и передачи массива предметных значений оригинала при переводе в диапазоне оценочного понятия «качественный перевод».

Соглашаясь с мнением А.А. Смирнова, указавшего в свое время *глубину* («до какого порядка сущности проникает наша мысль в процессе понимания» [13. С. 168]) в качестве основной характеристики понимания, предлагаем оценивать данный критерий при переводе через иерархично организованную структуру уровней смысла текста: *содержание текста, общий смысл, скрытый, глубинный* [16. С. 139]. Отстаиваемая нами вариативность *глубины* понимания речи при переводе детерминирована объективными и субъективными условиями перевода: формами осуществления перевода и функционально-коммуникативными и жанрово-стилистическими видами перевода.

Благодаря первичности функций эстетического воздействия и создания художественного образа [2. С. 94] художественный текст требует понимания *глубинного смысла* для осуществления адекватного перевода и сохранения идентичного по силе и качеству эффекта художественно-эстетического воздействия. Достаточность понимания оригинала при информационном переводе (научно-технический, военный, медицинский и т.д.) вполне может ограничиваться уровнем *общего смысла* текста, что не исключает ситуативной необходимости уяснения и *скрытого смысла* благодаря ныне фиксируемой активной метафоризации масс-медийного, экономического и политического дискурсов. Восприятие речи переводчиком-синхронистом реализуется как горизонтально направленное движение мысли «вдоль» текста, знаменующее понимание на уровне *содержания*, что вполне достаточно с учетом условий синхронного двуязычия.

Можно полагать, что отмеченные варианты степеней *достаточности переводческого понимания* оригинала для различных форм и видов перевода наглядно демонстрируют особенности диалогизма понимания речи при переводе, ранее определенного нами как *установка на потребителя перевода*.

Таким образом, выделенные нами с позиции диалектики диалогичности уникальные феноменологические особенности переводческого понимания, заключаются:

а) в опоре понимания на познание и точку объективации восприятия вне себя, воплощении переводчиком *Позиции третьего* на коммуникативной оси, что позволяет преодолеть избыток субъективного видения;

б) диалогичности понимания как *установке на потребителя перевода* в контексте диалога не личностей, а языков, культур, национальных дискурсов и институциональных форм общения;

в) реализации понимания оригинала *по принципу знакового атомизма*, т.е. в грамматикализованном контексте конвенциональных и обладающих нормативной тождественностью языковых единиц;

г) вариативности качества понимания с позиции достаточности в различных языковых и неязыковых, ситуативных и контекстуальных условиях перевода.

Результаты настоящего теоретического исследования выступают психологическим обоснованием разработки эффективных технологий переводческой лингводидактики, что позволит сформировать перцептивную готовность будущего переводчика как комплекс дифференцированных согласно видам и формам перевода умений понимания, обеспечивающих достаточный и эффективный переводческий диалог и переводческую эрудицию.

Литература

1. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // On Translation. Cambridge: Harvard University Press, 1959. P. 232–239.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
3. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002. 431 с.
4. Дьяконов Г.В. Концепция диалога М.М. Бахтина как методология научно-гуманитарного мышления и мировоззрения // Феномен человека в психологических исследованиях и в социальной практике: материалы междунар. конф., Смоленск, 23–25 окт. 2003 г. / под ред. В.А. Сониной. Смоленск, 2003. С. 22–27.
5. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества; сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.
6. Бахтин М.М. Из записей 1970–1971 годов // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М., 1979. С. 336–361.
7. Логинов А.В. Адресант и адресат в диалогическом пространстве // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Русская филология. 2009. № 2. С. 49–54.
8. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1997. 172 с.
9. Эмерсон К. Интервью // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск. 1994. № 2. С. 119–123.
10. Уланович О.И. Феноменология двуязычия: специфика формирования в искусственной языковой среде // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы интернет-конференции, 20–28 февр. 2014 г. Минск, 2014. С. 256–260.
11. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М., 1979. С. 237–280.
12. Шоттер Дж. М.М. Бахтин и Л.С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вopr. психологии. 1996. № 6. С. 107–117.
13. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. М.: Просвещение, 1966. 420 с.
14. Гурин И.В. Проблема речевой компрессии в синхронном переводе: Подходы и методы исследования // Филологические науки. Вопрос теории и практики: в 2 ч. Тамбов, 2008. Ч. 1, № 1. С. 85–88.
15. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978. 208 с.
16. Уланович О.И. Психоллингвистика: учеб. пособие. Минск: Изд-во Гревцова, 2010. 240 с.

UNDERSTANDING OF THE ORIGINAL TEXT WHILE TRANSLATING: PHENOMENOLOGICAL ASPECTS.

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 1(33), pp. 78–87. DOI 10.17223/19986645/33/7
 Ulanovich Oksana I., Belarusian State University (Minsk, Belarus). E-mail: oksana.ulanovich@mail.ru

Keywords: understanding while translating, dialogical dialectics, linguistic theory of translation, accuracy, completeness and profundity of understanding.

The technology of translation is traditionally viewed by linguistics of translation as a dual-operation action aimed at providing translation equivalence that includes: the adequate choice of a translation transformation through analysis of a range of verbal and nonverbal translation conditions and proper application of the technique. This formally accurate but flimsy vision of translation seems unpromising for generation of translation education technology as it ignores the core intellectual stage within translation process – decoding: verbal perception and understanding of the original text.

The study of the problem of speech understanding within translation process requires the highlighting of its unique phenomenological aspects determined by translation practice. The revealing of the exceptional features of understanding of the original text during translation seems promising within dialogical methodology approach.

Unlike the general psychological vision of speech understanding, which is viewed as a constructive, active, responsive and evaluative process, the understanding of the original text during translation is unbiased, excludes personal element and is determined by focusing on a consumer of translation. Thus, translation is performed in compliance with the mentality, cultural values of an addressee of the translated text, communicative context of translation and the unique features of the language encoding. So, translation stands rather as a dialogue of languages, cultures, national discourses than a dialogue of language persons.

As complete understanding seems impossible in human communication we find it possible to introduce the notion of competent sufficiency of the original text understanding during translation process. This one is seen as a variable result of understanding in terms of its accuracy, completeness and profundity.

Completeness as a criterion of understanding is measured through quantitative correlation of all objects, phenomena and their qualities in the translated version and in the original text. Maximum completeness of text understanding seems possible in written translation but is hardly feasible in oral forms of translation.

Profundity of speech understanding can be measured through hierarchically arranged levels of text meaning: content, general sense, implication, deep underlying message. Each of these levels can mark competent sufficiency of the original text understanding which depends on the form of translation and its functional communicative type (fiction translation or informational translation).

Regardless of the form or type of translation accuracy of understanding, seen as delivery of all precision data in the text, is the only unvaried criteria of high quality translation and speech understanding.

The results of the research reveal the ways of translation practice improvement in terms of both translation result quality and sound management of a translator's intellectual reserves.

References

1. Jakobson R. *On Linguistic Aspects of Translation*. In: *On Translation*. Cambridge: Harvard University Press, 1959, pp. 232–239.
2. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p.
3. Zinchenko V.P. *Psikhologicheskie osnovy pedagogiki* [Psychological foundations of pedagogy]. Moscow: Gardariki Publ., 2002. 431 p.
4. D'yakonov G.V. [The concept of dialogue of M.M. Bakhtin as a methodology of scientific and humanitarian thinking and outlook]. *Fenomen cheloveka v psikhologicheskikh issledovaniyakh i v sotsial'noy praktike: Materialy Mezhdunar. konf.* [Phenomenon of Man in psychological research and social practice: Proceedings of the International Conference]. Smolensk: Smolensk State University Publ., 2003, pp. 22–27. (In Russian).
5. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979, pp. 7–180.
6. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979, pp. 336–361.
7. Loginov A.V. Adresant i adresat v dialogicheskom prostranstve [Sender and recipient in a dialogical space]. *Vestnik MGOU. Russkaya filologiya – Bulletin MGOU Series Russian Philology*, 2009, no. 2, pp. 49–54.
8. Vinokur T.G. *Govoryashchiy i slushayushchiy. Varianty rechevogo povedeniya* [The speaker and the listener. Options of speech behavior]. Moscow: Nauka Publ., 1997. 172 p.
9. Emerson K. Interv'yu [Interview]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 1994, no. 2, pp. 119–123.

10. Ulanovich O.I. [Phenomenology of bilingualism: the specificity of the formation of an artificial language environment]. *Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya: Materialy internet-konferentsii* [Topical issues of liberal education: Proceedings of the Internet Conference]. Minsk: NTI-VINITI: Obshchestvennye nauki Publ., 2014, pp. 256–260. (In Russian).
11. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280.
12. Shotter J. M.M. Bakhtin i L.S. Vygotskiy: interiorizatsiya kak "fenomen granitsy" [Bakhtin and Vygotsky: internalization as "a phenomenon of the border"]. *Voprosy psikhologii*, 1996, no. 6, pp. 107–117.
13. Smirnov A.A. *Problemy psikhologii pamyati* [Problems of the psychology of memory]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1966. 420 p.
14. Gurin I.V. Problema rechevoy kompressii v sinkhronnom perevode. Podkhody i metody issledovaniya [The problem of speech compression in simultaneous translation. Approaches and methods of research]. *Filologicheskie nauki. Vopros teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2008, no. 1, pt. 1, pp. 85–88.
15. Chernov G.V. *Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda* [Theory and practice of simultaneous translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1978. 208 p.
16. Ulanovich O.I. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Minsk: Izd-vo Grevtsova Publ., 2010. 240 p.